

Пролог

Вдох полной грудью. Дерево. Канифоль. И что-то сладкое, необъяснимое. Так пахнет сам концертный зал. На самом деле все они похожи – Большой зал Консерватории, удивительный Карнеги-Холл, где выступал Хейфец, и даже маленькие залы польской музыкальной школы, где Ян сыграл свой первый концерт. «Воздух, – подумал Ян. – Воздух один и тот же...»

До начала десять минут. Оркестр садится по местам. Ян не видит его из-за ширмы, но ясно представляет. Вот устроилась позади всех звонкая медь. Вот, откинув фалды своего сюртука, важно опустил за пульт кларнетист Велимир Асколов. Вот чётко расположились струнники.

Первая скрипка, концертмейстер Тимофей Громов, стоит перед оркестром. Всем известно, какой он хохотун по жизни. Но сейчас Громов строг и внимателен. Взгляд его серых глаз прошёл по рядам и наконец остановился на гобоисте Аркадии Соломином.

Круглощёкий Аркадий поднял гобой и выдал чистую «ля». По ней настроились духовики – кларнеты, фаготы, медь, словно завыли волки и заухали филины в Диком Лесу. Потом снова: «Ля-а-а...» – и смычки вразной заходили по струнам. Эта сумбурная переключка всегда волновала Яна, наполнила радостным предвкушением. «Сейчас будет концерт!»

В тишине застучали каблуки. Осторожно выглянув из-за ширмы, Ян увидел у микрофона женщину в ярком платье.

– Уважаемые зрители. Сейчас вы услышите сочинение Космы Ивановича Словинского. Знаменитый скрипичный концерт «Дикий Лес» в трёх частях. Эта пьеса поражает сво-

ей мелодичностью! Яркими эмоциями! – возглашала она. – Искренней любовью к тайнам и сказкам!

Ян стоял за кулисами, держа скрипку за гриф.

«Тайнам и сказкам? Это она, наверно, про третью часть... Может, и про первую... Но вторая – это же не сказка. Это...»

– «Дикий Лес» написан в 1939 году. Это произведение исполняли по всему миру многие выдающиеся музыканты. А в нашей программе его исполнит замечательный!

«Ой, всё».

– ...Талантливейший скрипач! И, что интересно, земляк Космы Ивановича Словинского.

«В Польшу бы съездить. Но в ближайшую неделю всё расписано по дням...»

– Януш Кандинский!

«Уф! Наконец-то».

– Он родился в Варшаве...

«Так, нет, это надолго».

– ...Ученик знаменитого мастера Станислава Кречета. Лауреат нескольких международных конкурсов. Его знают и любят во многих странах мира...

«А можно просто Януш Кандинский?»

– Итак, Косма Иванович Словинский, «Дикий Лес», концерт для скрипки с оркестром ре минор, сочинение сорок шестое. Дирижёр – заслуженный артист России Михаил Кизима. Солист – лауреат международных конкурсов Януш Кандинский!

Ян под аплодисменты вышел на сцену.

Стоявший за пультом маэстро улыбнулся ему. Кизима пожилой, но энергичный. Волосы у него лёгкие, как пух и, когда он дирижирует, кудрявые пряди летают, будто на ветру.

Первая часть, «Быстро и уверенно», сама похожа на вихрь. Смычок Кандинского вьёт восьмёрки, на лице азарт: кажется, что музыкант в полной власти эмоций. Но складка между бровей выдаёт его сосредоточенность.

Кречет стоял за кулисами. Взгляд его не отрывался от Яна, а в сердце пела спокойная гордость. Со дня выпуска из Консерватории мальчик сильно подрос над собой. Его руки всё легче, а штрихи – всё ярче. По видео с «Диким Лесом» можно отчётливо проследить прогресс Яна: Кандинский играет на сцене этот концерт уже десять лет.

Говорят, они с «Диким Лесом» созданы друг для друга. Сорок шестой опус Словинского, совсем как Ян, полон жизни и упрямой энергии. Автор писал его под впечатлением от долгого конного похода по тайге: недаром музыка похожа то на рысь, то на резвый галоп.

Только вторая часть в ритме шага. Она так и называется: Анданте. Анданте sostenuto...

Было не до разговоров, и всё же Кречет написал прямо в телефоне с отключённым звуком:

Для Яна Лес – это 2-я часть. Всё остальное – вступление и послесловие.

И показал Савину.

Седой полноватый Виктор Савин долго не отвечал. Наконец он взял телефон у Кречета и напечатал всего слово:

То же.

Кречет неловко уставился в сторону. Может, не надо было про это? Профиль Савина казался острым, очерченный светом рефлекторов. Конечно, Витя вспомнил своего ученика. Но разве он забывал? Разве он не вспоминает всякий раз, как слышит Косму Словинского?

На Лес опускается темнота. Стихают все ветры. И в этой тишине, в глуховатом гудении оркестра – Янова скрипка. Горький стон. И Кречет увидел вдруг тёмный храм с высокими потолками, и свечи, и поникшую толпу, и...

Стой! – крикнул он себе. Почти в ужасе. – *Это Словинский. Он жил в другое время. Ничего не знал о Лерике. «Дикий Лес» – не про него!*

Кречет оглянулся на Савина: не угадал ли друг его мысли? Савин стоял, прикрыв глаза. Слушал Яна.

Кречет выдохнул и потёр лицо. Придёт же в голову...

Главное, чтобы Янушке не пришло...

Но Ян больше не срывается, как в тот день. Он молча грустит о своём: брови поднялись стрелкой, в глазах строгость и печаль. Ушёл в себя. Кизима пылает, взмахивает руками, заставляя оркестр Савина взрываться громом меди и ударных. А для Яна этот гром – реквием.

О чём же горевал Словинский, когда писал вторую часть?

Косма Иванович никому не объяснял этого. Критики спорят много лет, желая разобраться. Кто-то говорит, что Словинский вовсе не горевал, просто описывал «величие тайги». Как будто в тайге всё дело. Дикий Лес такой один на свете, Словинский сам пророс через него, запутался корнями, не оторвать...

Гром затихает. Вторая часть гаснет, как огонёк свечи, которую уносят всё дальше, дальше в тёмный коридор. Замирает оркестр. Ян поправляет на скрипке мост. Зрители смотрят на сцену, не издавая ни звука. Тишина...

И тут весёлым криком фанфар в зал врывается финал концерта. Аллегро виваче. По задумке Словинского, это галоп навстречу солнцу. Тут, вроде бы, всё понятно.

Лица музыкантов просветлели, у кого-то мелькала озорная улыбка. И Ян теперь играл без печали, смычок его танцевал на струнах. Отдыха солисту почти не было, лишь в самом конце Ян опустил скрипку, терпеливо ожидая, пока оркестр догремит свою браваурную песнь.

Эхо последнего аккорда ещё долго рокотало в глубине сцены, под сводами зала, у рядов амфитеатра и балконов.

И лишь когда оно затихло, грянули бурные аплодисменты. Ян нагнул голову в поклоне. Ну вот, улыбнулся наконец... Крепко обнявшись с Кизимой, Ян пожал ему руку.

Если бы Савин дирижировал «Дикий Лес», всё звучало бы иначе. Но Витя сам сказал: «Не надо. Я лучше буду Сибелиуса».

Кизима с огромным букетом, сияя, ушёл за сцену. Ян свои цветы отнёс Кречету. Выдохнул:

– Станислав Георгиевич, подержите, пожалуйста. – А в глазах вопрос: «Как я?»

– Молодец, – Кречет подержал его за плечо – горячее, мокрое, ткань рубашки прилипла. – Подожди, выпей воды. Успеешь выйти...

– Яну не терпится играть Яна, – сказал Савин.

Кандинский пил, запрокинув голову и вздрагивая кадыком.

Программа сегодня была уникальна: два концерта для скрипки с оркестром подряд, да ещё и с одним солистом.

– Не устанешь? – спросил Кречет Яна ещё в Москве, когда только собирались в Самару.

– Да нет, Станислав Георгиевич, всё в порядке. Я ведь на конкурсе так же играл.

И вот, передохнув минут десять за кулисами, Ян вернулся на сцену уже вместе с Савиным.

– Ян Сибелиус, сочинение сорок седьмое!

На первый взгляд, Виктор Савин неповоротлив: ростом Яну по плечо, с плотной фигурой. Но вот он поднимает ладони – и плавные, точные движения ведут оркестр.

Тихо и беспокойно вступают струнные. Прислушиваясь к ним, в непонятной тревоге притихает весь зал. Ян молча ждёт: ресницы его опущены, на лбу пролегла черта, а левая рука замерла на грифе. Музыка тянется, как позёмка. Ян входит в неё тонкой дрожащей нитью.